

ИСЛАМИЗМ, РАДИКАЛИЗМ, ПОСТИСЛАМИЗМ В ИХ ОТНОШЕНИИ К СВЕТСКИМ РЕЖИМАМ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ*

Леонид Ефимович Гринин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Институт востоковедения РАН

Мы считаем, что умеренный исламизм может стать позитивной и перспективной частью политического спектра исламских стран. Попытки же вытеснить исламистов из легального политического поля ведут к постоянной конфронтации. Следует учитывать, что худшие враги исламистов – это другие исламисты. И именно в создании условий для раскола между умеренными и радикальными исламистами, на наш взгляд, можно видеть наиболее прагматичную и обещающую успех политику. Нами был сделан вывод о том, что исламизм особенно силен либо как оппозиционное массовое движение, либо как умеренный, проводящий разумную политику, адаптированную к современным условиям. Нами также показан сдвиг конфликтности в Алжире и Судане от радикализма к борьбе за углубление демократии. Но, несмотря на это (или даже по причине этого), данные общества по-прежнему остаются странами с высоким риском дестабилизационных событий. Рассматривая радикализм как неизбежно возникающее радикальное крыло исламизма (что никак не делает исламизм и радикализм, а тем более терроризм синонимами), автор формулирует вывод об историческом значении исламского радикализма. Он определяет последний прежде всего как негативное явление, но выделяет и позитивные аспекты в плане исторического значения (с учетом, конечно, очень высокой цены за этот «позитив»). Исследуется такое явление, как постисламизм. На практике он означает, что зарождающаяся политическая система включает в себя демократические и светские идеалы и принципы в рамках «исламской системы этнических, мо-

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00254).

ральных и культурных ценностей». В Иране, Пакистане, Бангладеш исламизм трансформируется в постисламизм. В постисламизме мы видим заметную эволюцию исламизма в целом в магистральном (в общечеловеческом понимании) направлении, хотя и со значительной исламской спецификой.

Поскольку на страницах этого ежегодника мы уже опубликовали несколько статей, характеризующих современный исламизм в разных аспектах (Гринин 2018; 2019а; 2019б; Коротаев, Гринин 2017; Гринин, Коротаев 2018; 2019а; 2019б; а также в статьях настоящего выпуска: Гринин 2020б; 2020г), в настоящей статье мы остановимся только на некоторых политических аспектах. Тем не менее некоторые идеи и характеристики, которые были высказаны нами ранее, придется повторить.

Мы отмечали, что исламизм – это не наносное или поверхностное явление, а напротив, глубинное, во многом народное, имеющее массовую социальную поддержку. В этом его сила и также его опасность в случае радикализации исламизма. Кроме того, как отмечал С. Хантингтон (2003: 169), в исламских странах «исламизм стал функциональной заменой демократической оппозиции авторитаризму в христианских странах».

1. О типологиях исламистских направлений

Исламизм многолик. При этом многоликость не появилась относительно недавно, но во многом происходила от разных трактовок роли ислама в обществе в трудах исламских мыслителей в XIX и начале XX столетия. Эти трактовки часто были взаимоисключающими (см., например: Osman 2016: ix; Grinin *et al.* 2018; Гринин, Коротаев 2019б). Действительно, очень сложно в условиях сосуществования множества направлений определить, что такое истинный ислам, что он включает в себя, его суть и природу, а самое важное – может ли кто-то утверждать, что он олицетворяет ислам. Неудивительно, что интеллектуальные войны усилились (Osman 2016: xi). Однако важно отметить, что, несмотря на указанную борьбу идей, отторжение радикального исламизма в духе запрещенного в России «Исламского государства» наблюдается у многих умеренных исламистов, которые пытаются отмежеваться от его эксцессов. Так или иначе, в рамках исламизма сосуществует множество враждующих

между собой направлений. Поэтому нередко худшие враги исламистов – это другие исламисты. И именно в создании условий для их раскола, на наш взгляд, можно увидеть наиболее прагматичную и обещающую успех политику.

Говоря об умеренном исламизме в ряду других видов исламизма, мы ограничимся только некоторыми замечаниями.

Во-первых, важно понимать: из-за того, что все внимание СМИ приковано к террористическому исламизму, умеренный исламизм часто остается в тени. «Ваххабитский ислам приковал к себе внимание мировой общественности через страх и террор. Напротив, турецкий и индонезийский ислам, удачно сочетающий религиозность с современными демократическими и светскими императивами глобальности, не получает должного внимания», – справедливо замечает Невзат Согук (Soguk 2010: 3).

Во-вторых, помимо деления на умеренный и радикальный исламизм, также встречается деление на государственников и негосударственников. Первые (главным образом представители исламистских партий) взаимодействуют с другими социальными и политическими силами, что способствует достижению консенсуса в национальной политике. Вторые (от самых «спокойных» салафитов до вооруженных джихадистов) ставят религиозное сообщество превыше национальной политики и напрямую зависят от взаимодействия между исламистами-государственниками и государством; им выгодны провалы демократического построения консенсуса в национальной политике (Volpi, Stein 2015). В целом очевидно, что исламисты-государственники – в основном умеренные исламисты, которые должны принимать правила игры на политическом поле и действовать легально. Исламисты-негосударственники – это те, кто не желает участвовать в политических выборах или делах официально и по правилам, оппозиционеры ближе к радикалам. Кроме того, первые способны рассматривать возможность сближения национализма и исламизма, а вторые – с трудом. Хотя нам и не кажется, что такое деление продуктивно, во-первых, важно, что авторы объединяют и тех и других под общим термином «исламисты», а во-вторых, они показывают, что умеренные исламисты (государственники) могут внести вклад в стабилизацию и развитие обществ, когда взаимодействуют с другими политическими сила-

ми, и напротив – когда конфликтуют с ними, это ведет к негативным последствиям.

Иногда типологию исламистов усложняют. В частности, Камран Бокари и Фарид Сензай (Bokhari, Senzai 2013) делят их на «соучастников», «отвергающих» и «кондиционалистов». Кроме того, турецкая Партия справедливости и развития является «светской партией» и рассматривается с точки зрения особой категории «постисламизма». Трудно сказать, насколько продуктивно такое деление. Однако мы согласны с заключительными выводами авторов, что «исламисты сыграли и продолжают играть решающую роль в ближайшие годы и десятилетия, пока в регионе происходят процессы демократизации» (*Ibid.*: 185).

2. Исламизм и политическая власть

Нами был сделан вывод о том, что исламизм особенно силен либо как оппозиционное массовое движение, либо как умеренный, проводящий разумную политику, адаптированную к современным условиям¹. Хотя в ряде обществ умеренные исламисты продемонстрировали значительные успехи в адаптации исламских принципов к современной реальности (см. об этом ниже), в целом умеренному исламизму в некоторых исламских обществах сложнее проявлять себя во власти, начинаются его колебания, появляются угроза раскола, попытки радикализации и прочее, что может вести к его политическому поражению; это мы и наблюдали в Египте и Тунисе в последние несколько лет.

Противостояние между светским государством и исламизмом существовало с самого начала подъема последнего (а в Египте, где исламизм возник намного раньше, вскоре после революции 1952 г. оно стало постоянным). В арабских странах светские режимы боролись со стремлением исламистов прийти к власти активно, иногда беспощадно. В целом победа оставалась за светскими режимами. Самый яркий пример – ожесточенные столкновения в Алжире в 1990-х – начале 2000-х гг.

Наиболее острая фаза пришлась на 1992–2002 гг., это десятилетие получило мрачные названия – «десятилетие террора», «чер-

¹ Либо как тоталитарное движение революционного типа, требующее полного переустройства общества (как это было в первый период после исламской революции или сегодня на территории, контролируемой запрещенным в России ИГИЛ).

ное десятилетие», «годы огня» (Васецова 2017). Жертвами стали около 200 тыс. человек, как алжирских, так и иностранных граждан (Долгов 2015: 232). В целом порядок в стране был восстановлен и общество вернулось к мирной жизни, однако исламистские террористические организации полностью не уничтожены, продолжают устраивать террористические акты и акции устрашения, оставаясь большой угрозой, которая может стать катастрофической в случае дестабилизации ситуации (Васецова 2017; Долгов 2015).

Новому президенту Абдельазизу Бутефлике (1999–2019) удалось остановить вооруженное противостояние между властями и исламистами, восстановить безопасность и вернуть иностранные инвестиции в страну. Однако конфликтогенный потенциал в стране оставался на достаточно высоком уровне. Алжир не остался в стороне от событий Арабской весны. На протяжении 2011 г. и в начале 2012 г. в стране проходили выступления против правительства. В итоге чрезвычайное положение, введенное еще в 1992 г. и ограничивающее гражданские свободы, было отменено. Но президенту Бутефлике удалось сохранить власть. Протест погасили экономическими мерами, такими как снижение цен на основные продукты питания, повышение зарплат, раздача жилищных ваучеров (Кусов 2019).

Потенции конфликтности вновь реализовались в 2019 г. При этом конфликт состоял уже не в противостоянии светской власти и исламистов, а в гражданском противостоянии между активной частью населения и правящей политической элитой, которая пыталась сделать правление престарелого президента едва ли не пожизненным. Между тем Бутефлика уже с 2013 г. был почти недееспособен из-за тяжелой болезни. В феврале 2019 г., после того как его кандидатура была выставлена в пятый раз, в стране начались массовые протесты, в результате которых он снял свою кандидатуру. Весь 2019 г. прошел в массовых протестах, в декабре президентом страны стал Абдельмаджид Теббун.

Алжир по-прежнему остается страной с высоким риском дестабилизационных событий. Это связано как с непрекращающимся столкновением группировок в верхнем эшелоне, которая перерастает в аресты и репрессии, так и с остротой так называемого «берберского вопроса»: берберы в Алжире составляют примерно

25–30 % населения и протестуют против их «арабизации» (Васецова 2017). Кроме того, базой для недовольства остается ухудшение экономического положения, особенно падение цен на нефть. Разразившаяся в 2020 г. эпидемия коронавируса тем более не способствовала его улучшению. С одной стороны, страна движется в сторону реформирования политической системы. Об этом свидетельствует прошедший в ноябре 2020 г. референдум по поправкам в конституцию. С другой – раскол в обществе очень значительный. Помимо опасности активизации исламистов, ядро конфликта переходит на уровень гражданской борьбы за демократизацию страны. *Однако в таких не полностью модернизированных странах с высокой долей молодежи, как Алжир, это всегда чревато взрывами дестабилизации* (см. также: Гринин 2020e).

Мы полагаем, что для минимизации рисков дестабилизации примеры нахождения даже умеренных исламистов у власти (см. об этом ниже) не всегда оказываются оптимальными (не говоря уже о примерах нахождения у власти радикалов).

Есть примеры, когда умеренные исламисты, оказавшись у власти, проводят достаточно взвешенную и эффективную политику (Турция, Марокко, Малайзия). Есть также несколько стран, в которых исламистские партии периодами приходят к власти самостоятельно либо в коалиции, как в Малайзии. Это возможно потому, что они так или иначе интегрировались в политическую систему, признают правила игры и соответствующую внешнеполитическую ситуацию.

Но еще более интересны и важны для будущего развития примеры, когда умеренные исламистские партии вписываются в политический ландшафт конкретных государств и институализируются. Именно такой путь наиболее перспективен и приемлем для всех, включая западные страны.

Мы считаем, что *только политика привлечения к политической работе умеренных исламистов, готовых соблюдать конституцию и работать легально, способствует ослаблению радикального исламизма и в итоге дает возможность исламским обществам развиваться с меньшими потрясениями*. Попытки же вытеснить исламистов ведут к постоянной конфронтации².

² Поэтому мы вполне согласны с нижеприведенным мнением. Опыт мусульманского мира, по крайней мере с начала 2000-х гг., демонстрирует провал крайнего

3. Исламизм и государственная идеология

Повторим то, о чем мы говорили в (Гринин 2019б). Есть режимы (монархические), в которых, по определению С. Хантингтона, попытались установить некую форму исламской законности. Он, в частности, говорил о Саудовской Аравии и Марокко (Huntington 1996: 113–114, 169), но назвать их исламистскими можно только с определенными оговорками. Мало того, о Марокко, по нашему мнению, нельзя говорить как об исламистском режиме, это страна, где умеренные исламисты присутствуют как политическая сила и участвуют в выборах. Крайне важно учитывать, что это легитимные режимы, при этом их легитимность проистекает от самой идеи монаршей власти³. Дополнительных оснований легитимности своей власти таким режимам не нужно, поэтому они не любят несистемных исламистов из низов не меньше светских авторитарных режимов.

Есть смысл кое-что сказать о том, как исламизм развивался в Марокко и какая ситуация сложилась там с исламизмом. В Марокко исламистская мысль возникла во многом под влиянием египетской школы реформаторов (Джамал ад-Дин ал-Афгани, Мухаммад Абдо, Рашид Рида; см. выше) (Орлов 2015: 287). Однако в отличие от Египта, где развитие исламизма пошло в сторону радикализма, в Марокко реформаторы изначально стремились приспособить исламские догматы и ценности к динамичному развитию окружающего мира, утвердить в сознании верующих ценность свободного суждения, демократических принципов и хозяйственной инициативы. Одновременно начался процесс синтеза религиозно-реформаторского и националистического мировоззрений (Абу Шу‘айб ад-Дуккали, Мухаммад ибн ал-Араби ал-Алауи, Аллаль ал-Фаси). В дальнейшем лидеры национали-

секуляризма в таких странах, как Египет, Ирак, Иран, Тунис и Турция. Напротив, Индонезия и Малайзия являют позитивный пример вклада, который ислам может внести во внутригосударственные дела в рамках демократического строя, объединяющего различные религиозные, культурные и этнические идентичности (Weiss 2010; Rahim 2011; Hossain 2016; Ugur Etga 2017).

³ Она в случае Марокко освящена принадлежностью королевской династии к роду Мухаммада (см., например: Орлов 2015), а в случае Саудов – к роду сподвижника религиозного реформатора и основателя ваххабистского движения, заложившего основы современной саудовской исламистской идеологии (см. об этом: Васильев 1967).

стов использовали религиозные понятия и ценности, поддерживая монархию Алауитов для восстановления погрязших в период франко-испанского протектората (1912–1956) устоев и традиций марокканского общества (Орлов 2015: 287). Отметим, что в арабском политическом контексте соединить исламизм с национализмом не получилось практически нигде. Были и другие особенности развития марокканского исламизма. В частности, в отличие от Египта, где богословы играли сравнительно небольшую роль в развитии исламистского движения, аудитория реформаторов состояла из студентов богословских учебных заведений (Там же). Наконец, исламизм в Марокко не был движением, оппозиционным власти, а напротив, после обретения независимости воздействие ислама на массовое сознание всемерно поддерживалось марокканскими королями Мухаммадом V (1927–1961) и Хасаном II (1961–1999). Правящие круги Марокко рассматривали ислам как надежное средство национальной консолидации арабо-берберского населения, фактор массовой политической мобилизации, укрепления авторитета монархии (Там же). Таким образом, ислам в этих условиях становился политическим учением и политической идеологией. При этом королевская администрация активно регламентировала работу духовных лиц и учреждений через специальное министерство и ставило ему задачу воспитания у молодежи преданности национальным и религиозным традициям, верности королю как «повелителю правоверных» (*амир ал-му'минин*), критического отношения к западной культуре и политическим теориям (Там же). Таким образом, исламизм стал в Марокко средством политической идеологизации сверху. Неудивительно, что умеренная исламистская Партия справедливости и развития имеет большинство в марокканском парламенте.

Сказанное, разумеется, ни в коей мере не означает, что в Марокко нет радикального исламизма. Так или иначе он неизменно появляется, тем более что некоторое время сама власть поддерживала радикалов. Но как только радикалы проявили нелояльность к престолу, на них в 1970-е гг. обрушились репрессии (Там же: 289). Однако наблюдаются колебания в отношении власти к радикалам, в частности, под влиянием негативных событий в Алжире в начале 1990-х гг. началась новая волна либерализации отношений алауитского престола с исламистами (Там же: 298). В целом исламистские группы в Марокко на протяжении 1980–2000-х гг. были слишком малочисленны, чтобы оказывать давление на двор и правительство (Там же: 310).

Тем не менее правительство Марокко пошло дальше, пытаясь расколоть исламистов, создать политические исламистские партии, лояльные к власти, и легализовать умеренную Партию справедливости и развития. В итоге появление легальной и настроенной на конструктивную политическую работу исламистской партии резко осложнило взаимоотношения в исламистской среде (Орлов 2015: 305).

В целом благодаря удачным и взвешенным подходам Марокко удалось избежать роста терроризма. Так, если число террористических атак в Магрибском регионе за период 2011–2014 гг. возросло в 47 раз, увеличившись с 15 до 1105, то из этих нападений только одно произошло в Марокко (Карпачёва 2020).

В целом исламизм нечасто становится официальной государственной идеологией в явном виде, хотя несколько случаев имеется. Наиболее известный касается Ирана, в котором радикальный исламизм Хомейни (существенно подорвавший экономику страны) достаточно быстро перерос в умеренный исламизм/постисламизм его преемников, сумевших добиться значительных успехов в стабилизации развития этой страны и, что важно, на поле исламизма создать достаточно прочную и эффективную демократическую систему. О постисламизме см. ниже.

Исламисты добились успеха и в Судане (подробнее об исторических и политических причинах этого см.: Гринин 2019б; Серегичев 2015; Fuller 2004: 108). Там 11 апреля 2019 г. произошел военный переворот, в результате которого был отстранен от власти президент Судана Омар аль-Башир, занимавший этот пост почти 30 лет. Важно, что перевороту с конца 2018 г. предшествовали мощные протесты, поэтому данные события можно рассматривать как аналог революции (об аналогах революции см.: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2020). В Судане активно и периодами безрезультатно внедрялась исламистская идеология. Но последние события вновь показали, что исламизм у власти быстро усваивает все те пороки, за которые он критикует светскую власть, и в основном неспособен к тому, чтобы обеспечить стране длительный экономический успех. Исламизм там, конечно, не исчез, напротив, через какое-то время вполне можно ожидать новых попыток исламистов прийти к власти. Судан географически принадлежит к сахельской зоне нестабильности, но по уровню развития исламизма намного

ближе к Ближнему Востоку, чем к сахельским соседям (см.: Гринин 2020г). *Можно сделать вывод, что, с одной стороны, Судан, как и Алжир, сдвигается от исламизма как центра потенциальной нестабильности, к гражданским протестам, а с другой – потенциально остается источником нестабильности. Причем он может попасть в ситуацию, которую мы называем революционной ловушкой* (см. об этом: Гринин 2020а; 2020д).

4. Радикализм и терроризм

Несомненно, террор и терроризм ужасны и не имеют оправдания. Очевидно также, что стремление некоторых исламистских фанатиков в буквальном смысле сокрушить Запад и вернуться к обычаям, существовавшим более тысячи лет назад, уничтожая всех, кто сомневается в необходимости этого, многих особенно страшит. Поэтому «многочисленные социальные слои по всему Ближнему Востоку часто категорически отвергают исламизм» (Osman 2016: xix). Однако об исламском терроризме написано так много, что сложно сказать что-то новое, и мы не видим смысла повторяться. Поэтому в данной статье ограничимся только некоторыми замечаниями на эту тему, кажушимися нам важными.

Несколько замечаний о терроризме. Прежде всего отметим, что не существует общепризнанного определения терроризма. В частности, в докладе Комитета экспертов по радикализации Европейской комиссии говорится, что «существуют сотни определений терроризма» (Casaca 2017a: 31). Поэтому мы не собираемся углубляться в нюансы данной формулировки. Достаточно использовать формулировку из *Глобальной базы данных о террористических актах*, которая представляется вполне уместной в рамках настоящей монографии: «...угрожающее или фактическое использование незаконной силы и насилия со стороны негосударственного субъекта для достижения политической, экономической, религиозной или социальной цели посредством страха, принуждения или запугивания» (Global... 2016: 9).

Далее. Рассматривая терроризм как общемировой феномен, нельзя не отметить, что это орудие слабых против сильных, меньшинства против большинства. Важно понимать, что радикалы – все же меньшинство в любом обществе, даже если им удастся вести

его за собой. Между тем современные средства массовой информации являются в целом невольными союзниками террористов.

Второе. Исламизм имеет тенденцию к радикализации при изменении ситуации. Всегда можно ожидать такого рецидива (Osman 2016: xix). Иногда исламизм (как и любое другое течение) видоизменяется на новой почве, в частности в Европе. Общеизвестно, что здесь он порой получает новые идеи и становится особенно радикальным (*Ibid.*: 245). Однако мало кто знает, что в Европе же исламизм начинает довольно часто модернизироваться в устраивающем всех направлении (см. об этом ниже).

Третье. Рассмотрим теперь вопрос о социальной базе радикального, террористического исламизма. Среди приверженцев объяснений психологической обусловленности терроризма есть базирующиеся в своих выводах на суммарных сведениях, из которых становится очевидным, что большинство участников террористических актов отличались невежеством, малограмотностью, глупостью или подверглись «промыванию мозгов» (см. об этом: Джанаби 2015: 54–55; Вуман 2005; 2007; 2011).

По оценке Аль-Кардави, главной причиной экстремизма и нетерпимости является отсутствие образования (см.: Achilov, Sen 2017: 618). Мы полагаем, что это все-таки упрощение. Разумеется, «промывание мозгов» всегда присутствует в тоталитарных группах и идеологиях. И среди их последователей имеется определенное число малограмотных и недалеких людей, готовых поддаться внушению. Однако, во-первых, имеются данные и о том, что для членов террористических группировок в некоторых странах характерен более высокий уровень образования, чем наблюдается в среднем для этих стран. Во-вторых, можно упомянуть, например, социально-демографический анализ, представленный Ч. Расселом и Б. Миллером (Russell, Miller 1977), которые сделали вывод о том, что среди руководителей исламистских, в том числе и радикальных, групп много молодых и образованных (нередко получивших западное образование) людей. А. Крюгер и Ж. Малечкова (Krueger, Maleckova 2003) также отмечают, что члены военного крыла «Хезболлы», а также палестинских террористических групп довольно высокообразованны. Исследователи, проанализировав 350 биографий террористов из различных организаций по всему миру в период между 1966–1976 гг., пришли к выводу, что они

имеют достаточно хорошее образование. Есть и несколько других исследований такого рода. В частности, Клод Берреби (Berrebi 2007), анализируя биографии членов «Хезболлы» с 1980 по 2002 г., обнаружил, что более высокий уровень образования увеличивает вероятность стать террористом (однако события последних лет ставят под сомнение роль «Хезболлы» как определено террористической организации). В-третьих, мы уже говорили, что часть умеренных исламистов могут перейти на сторону радикалов при некоторых условиях, как это случилось среди египетских «Братьев-мусульман»⁴ после свержения президента М. Мурси (а среди них было много хорошо образованных людей). В-четвертых, согласно этой логике, наибольший подъем терроризма должен был приходиться на 1960–1970-е гг., когда неграмотность в исламских обществах (равно как и бедность) была существенно более распространена, чем сегодня, однако это не так.

Напротив, рост терроризма связан с ростом грамотности и образованности, поскольку такие движения не могут существовать и развиваться в малограмотных обществах. Они поднимаются в модернизирующихся обществах, где уровень грамотности растет, но в целом общества еще остаются недостаточно образованными, с большой разницей в этом плане между различными группами населения. Иначе говоря, терроризм связан с ситуацией промежуточной грамотности социума, тогда как дальнейшая экспансия современного образования связана со значительной тенденцией к снижению террористической активности (см.: Акаев и др. 2017; Васькин и др. 2018). Например, грамотность в Ирландии была высокой, но это не помешало терроризму свирепствовать там десятилетиями. Напомним, что и среди русских народников-террористов преобладали именно образованные люди. Поэтому, на наш взгляд, главным союзником в борьбе с террором может быть умеренный исламизм при правильной политике в его отношении. Так, Д. Ачилов и С. Сен провели сравнительное исследование умеренного и радикального исламизма, в том числе и в отношении различий в социальных характеристиках их приверженцев. Выяснилось, что политически умеренные мусульмане все же чаще имеют более высокий уровень образования и более активны в гражданском обществе и что более

⁴ Деятельность данной террористической организации запрещена на территории Российской Федерации.

высокий уровень образования, социального статуса, соответствующего социального капитала и вовлечение в политическую деятельность также коррелируют с поддержкой умеренных взглядов (Achilov, Sen 2017: 618). То есть при достижении достаточно высокого уровня образования последнее будет способствовать снижению роли террора. Все это дает некоторую надежду, что постепенно с ростом образованности и благосостояния терроризм все же пойдет на убыль, хотя полной уверенности в этом нет.

Четвертое. С развитием жизни, технологий, средств информации, а также уровня образования очевидно, что меняется и сам терроризм. Нет смысла подробно исследовать это в настоящей работе, но и забывать об этом тоже не стоит. Соответственно, с подъемом исламизма в 1990-е гг. стало укрепляться представление о появлении террора нового вида⁵.

Поговорим теперь о факторах, способствующих и препятствующих росту терроризма, и в заключение данного параграфа кое-что скажем о месте радикального исламизма в общем течении исламизма и жизни исламских обществ.

Есть мнение, что исламистский радикализм подобен злокачественному образованию, которое возникло в силу несистемного по отношению к мусульманскому миру воздействия, а именно – детонации кризисной ситуации, сложившейся вследствие сочетания уникальных экономических и политических обстоятельств в одном месте (Ближний и Средний Восток) в одно время с феноменальной спецификой ислама (Левин 2014: 108). Разумеется, стечение обстоятельств имело известное влияние. В частности, обретение нефтяного богатства во многом «оплодотворило» и радикальный ислам. Однако правильнее рассматривать феномен радикального исламизма шире.

⁵ Паоло Касака (Casaca 2017b: 33) указывает, что об этом заговорили начиная с 1990-х гг. Среди тех, кто занимался этой проблемой, У. Лакёр (Laqueur 1999) ввел термин «новый терроризм», Б. Хоффман (Hoffman 1998) использовал два понятия: «современный терроризм» и «новый терроризм», а Ж. Кепель (Kerel 2000) одним из первых употребил термин «джихад» для обозначения нового вида терроризма. Дж. Гирсон (Gearson 2002), возможно, был наиболее продуктивным в этом плане, поскольку он установил различия между современным терроризмом (1970-е – 1980-е гг.), супертерроризмом (1990-е – 2000-е гг.) и постсовременным терроризмом (после событий 11 сентября 2001 г.), он также предсказывал начало «новой эпохи терроризма».

И в заключение можно задаться вопросом: *в чем историческое значение исламистского радикализма?* Очевидно, что он не может стать победоносной идеологией на широком фронте, поскольку, как и любое радикальное учение, не приспособлен к практическим потребностям. По нашему мнению, его историческая роль негативна. Он постепенно отторгает от себя большинство мусульман посредством терроризма и отрицания множества важных вещей, вынуждает Запад быть более подозрительным в отношении ислама, заставляет искать особые пути интеграции исламских стран в мировое развитие. Его **позитивная роль** (насколько об этом можно говорить) заключается в том: а) что периодами он выступает как таран, способный разрушить коррупционные и застойные формы политической жизни, хотя цена такого разрушения очень велика; б) общества приобретают важный общественный и исторический опыт, который должен помочь интегрировать исламизм в общемировое мировоззрение и в какой-то мере трансформировать западное мировоззрение, претендующее на мировой эталон; в) является одним из течений, способствующих реконфигурации Мир-Системы (см. об этой реконфигурации: Гринин 2012; 2020а; Гринин и др. 2015). *При этом можно предположить, что завершение данной разрушительной фазы процесса реконфигурации приведет к закату радикализма и терроризма в некоторых частях афразийской макрзоны, кроме сахельской* (см. об этом: Гринин 2020г).

5. Эволюция исламизма. Постисламизм

Многие умеренные исламисты признают плюрализм и необходимость приспособливаться к изменениям. Среди широко мыслящих деятелей в среде умеренных можно упомянуть, в частности, модернистов – представителей рационалистического религиозно-этического и политического направления в современной исламской мысли, которые пытаются найти баланс между традицией и реальностью жизни уммы. Так называемые «обновленцы» стремятся к преодолению отсталости мусульманских стран с помощью Запада, но с сохранением исламских традиций. В частности, они полагают необходимым адаптировать шариат к требованиям современного мира и готовы на компромиссы (см. об этих и других направлениях в исламизме: Левин 2014: 78–82).

Но в целом такие группы не являются достаточно влиятельными. Главный водораздел проходит между умеренными исламистами и радикалами, которые могут сосуществовать в рамках одних и тех же движений, например «Братьев-мусульман». Это размежевание соответствует во многом и внутреннему разделению исламских обществ. Неудивительно, что время от времени происходит крен то в жесткую автократию, то в радикализм (см. также: Гринин 2020d).

Скажем немного и об эволюции исламизма в разных обществах. Как уже было сказано (Гринин 2019a), исламисты не всегда оказываются враждебно настроенными по отношению к современности, напротив, многие из них (особенно среди умеренных исламистов) являются ее сторонниками (см., например: Esposito, Burgat 2003). Если говорить об эволюции исламизма, то исследователи отмечают существенные перемены в нем за последние десятилетия (Osman 2016: 239). Например, в ряде стран (в Иране, Тунисе) женщины активно участвуют в выборах и некоторые становятся депутатами парламентов. При этом важно понимать, что в целом исламские женщины более склонны поддерживать политически умеренный ислам, чем мужчины, даже если учитывать другие социальные параметры (например, социальную группу, образование, политическую активность) (Achilov, Sen 2017: 618).

Что касается ситуации в мусульманских общинах немусульманских обществ, то «наблюдаются интересные изменения в религиозном мышлении и практиках мусульманских женщин в США, Индонезии и Южной Африке», – пишет Т. Осман (Osman 2016: 251) и добавляет важное замечание: «...это показывает, что, освободившись от определенного культурного влияния, мусульманское мышление может обеспечить значительные успехи в сферах, которые десятилетиями и даже веками отставали» (*Ibid.*). Действительно, можно ожидать, что в странах Запада возникнут новые модернистские направления развития исламских общин и исламизма, особенно в отношении роли женщин в обществе. В любом случае эти изменения идут довольно активно. Можно отметить роль организации «Женщины, живущие по законам ислама», которая работает во многих странах с мусульманским большинством, а также особое внимание к равноправию полов (Walzer 2015: 116–117).

Примером модернизации ислама может служить реформистское движение евроислама, получившее в последнее время большую известность. Его лидер Тарик Рамадан призывает своих сторонников активно участвовать в политической и экономической жизни Европы (Ramadan 1999). В связи с этим многие исследователи указывают на необходимость реформации в исламе (Горохов 2015: 37). Эта реформация должна приблизить мусульманскую традицию к нуждам современного мира и одновременно «вновь утвердить исламские ценности, возродить веру путем обновления исламской философии и создания новой школы фикха, то есть мусульманской юриспруденции и комплекса социальных норм» (Мирский 2003).

Таким образом, незаметно для внешнего мира наблюдается модернизация ислама в сторону западного образа жизни в общинах западноевропейских стран. Зато исследователи этих общин в Западной Европе отмечают, что исламские организации сталкиваются там с совершенно другими проблемами в плане участия в общественных дебатах... Впрочем, взгляды на интеграцию мусульман в западное общество и варианты развития ислама в европейских странах в значительной степени отличаются у разных организаций (Klausen 2007; Roy 1994), большинство из которых хорошо интегрированы в западные социальные и политические институты, а некоторые даже стали официальными посредниками для их правительств (Samrana, Jourde 2017: 2).

Словом, большинство мусульманских организаций так или иначе вписываются в европейский ландшафт.

Завершая параграф, упомянем о таком явлении, как постисламизм. Как уже было сказано, существует много различных трактовок основных принципов исламизма даже среди умеренных исламистов. Мы также видели, что в целом ряде стран он представлен в разных вариантах, например, в виде государственного исламизма Саудовской Аравии и других стран. В Иране, Пакистане, Бангладеш исламизм трансформируется в постисламизм.

Термин «постисламизм» стал популярен среди ученых, занимающихся исследованием целей исламистских движений, их социальных условий и структурных возможностей (Holdo 2017: 1800), и сегодня он уже не нов (Shahibzadeh 2016). О нем заговорили в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Естественно, что нет единого

определения, но все они подчеркивают умеренность постисламизма, его мягкость по сравнению с исламизмом, его связь с правами, не столь жесткую увязку с религией и в той или иной степени связь с демократией. Например, ученый иранского происхождения Азеф Байат (Bayat 2007: 19) дал следующее определение постисламизму: «...это не антиисламизм или светский *не*исламизм. Скорее, он представляет собой стремление соединить религию и право, веру и свободу, ислам и свободу выбора... Говоря кратко, если исламизм – это сплав религии и обязанностей, то постисламизм подчеркивает религиозность и право». А. Байат также указывает, что развивающаяся демократическая политическая культура и практика в этих странах рассматриваются как более мягкий вариант исламизма или постисламизм (Bayat 2007; 2013). На практике это означает, что зарождающаяся политическая система включает в себя демократические и светские идеалы и принципы в рамках «исламской системы этнических, моральных и культурных ценностей» (Hossain 2016: 214). По мнению Байата, постисламизм не может быть антиисламским или светским, но связан с секуляризацией общества/государства. Постисламизм предлагает общие принципы, объединяющие политическую реформу с религиозной. Исламистские партии смещают приоритеты в сторону вопросов меньшинств, молодежных и гендерных проблем, а также перенимают подход, основанный на правах, – вот реальные проявления постисламизма (Rana 2017; анализ постисламизма в Бангладеш см.: Hossain 2016; в Пакистане: Amin 2017).

С одной стороны, несмотря на видимый интеллектуальный вклад, постисламистские движения все же не смогли трансформировать свои идеи в пользующееся успехом общественное движение (Shahibzadeh 2016), но с другой – идеи постисламизма находят вполне практическое применение в политической и повседневной жизни ряда исламских обществ.

На наш взгляд, наиболее интересный случай – это Иран. Модернизация, как и исламская реакция на светскую модернизацию, в Иране началась давно. Например, еще в 1896 г. иранский шах-реформатор Насер ад-Дин был убит последователем ал-Афгани (как мы помним, духовного отца исламизма) Мирзой Рези Кермани. Таким образом, в Иране сменилось несколько поколений исла-

мистов. Ф. Раджайи в своей книге «Ислам и модернизм: изменяющийся дискурс в Иране» утверждает, что ориентированные на ислам иранцы демонстрируют четыре типа ответной реакции на модернизм, соотносящиеся с четырьмя поколениями в эволюции исламоцентристского дискурса в Иране. Взгляды и деятельность только одного поколения, а именно третьего, могут быть охарактеризованы как исламистские. Но с конца 1990-х гг. появляется четвертое поколение, которое уже нельзя определять термином «исламизм», это скорее постисламизм. Это поколение прислушивается к голосу разума (Rajaei 2007).

Йадуллах Шахибзадех (Shahibzadeh 2016: vii) считает, что постисламизм в Иране есть результат критического толкования исламизма и его последствий. Особое значение он придает тому, что новое толкование иранским лидером избирательных прав людей как нерушимых усиливает аргументы постисламистов и продемократически настроенных сторонников конституционной формы правления в Иране (*Ibid.*: 235). Разумеется, это противоречит суждениям консерваторов у власти, которые уверяют, что, во-первых, конституция не может ослаблять позиции лидера как верховного арбитра в политических конфликтах внутри страны, во-вторых, эта же конституция утвердила Совет стражей конституции – единственный орган, имеющий толковательные функции (*Ibid.*). Но ведь и речь идет не о западной демократии, а об исламской. Несмотря на очень жесткие американские санкции последних лет, усилившееся протестное движение, в целом постисламистский режим в Иране пока выказывает достаточную крепость. Тем не менее, по многим причинам, в том числе мир-системным и геополитическим (Гринин 2020б; 2020в), *Иран остается потенциальным источником нестабильности, хотя мы полагаем, что эта нестабильность все же будет иметь крен именно к гражданским протестам и требованиям.*

Таким образом, в постисламизме мы видим заметную эволюцию исламизма в целом в магистральном (в общечеловеческом понимании) направлении, хотя и со значительной исламской спецификой.

6. Заключительные замечания

Как мы уже говорили (Гринин 2019а), то, что является силой исламистов, может стать их слабостью в случае, если часть молодежи потеряет к ним интерес. Кроме того, тот факт, что молодежь является опорой исламистов, дает шанс надеяться, что по мере взросления и тем более старения этих молодых когорт социальная опора исламизма будет сокращаться⁶. Поэтому можно согласиться, что исламизм – явление переходного периода (Yapp 2004: 181). Но для исследования будущего Афразийской макрзоны с точки зрения возможных дестабилизационных событий необходимо ясно понимать, что по времени этот переход все же довольно длительный. Малкольм Япп пишет, что исламизм является феноменом переходного периода по двум причинам: во-первых, он связан с модернизацией и его позиции могут ослабеть, как только мобилизованные мужчины и женщины приспособятся к новой ситуации; во-вторых, он характерен для молодых, а молодость проходит. Пик рождаемости на мусульманских территориях, по его словам, прогнозируется на 2025 г., а затем, по прогнозам исследователя, мусульманское население, как и во всем остальном мире, начнет стареть (*Ibid.*). Япп не рассматривает процесс старения как такой, который все решит естественным путем, но полагает, что благодаря ему проблемы смягчения радикализма можно будет решать более успешно (*Ibid.*). В сроках М. Япп несколько ошибся, старение населения на мусульманских территориях уже началось (UN Population Division 2019), но мы согласны, что исламизм не вечен и его база будет так или иначе таять. Однако не во всех частях Афразийской макрзоны одновременно – напротив, в некоторых, как в зоне Сахеля, рождаемость очень высока. В меньшей степени, но все еще заметно выше средней она в таких странах, как Афганистан, Египет, Алжир, Йемен, Пакистан). Следовательно, требуется еще не менее 20–30, а для стран Сахеля, возможно, 40–50 лет, чтобы молодежный фактор стал утрачивать свое влияние (Коротаев и др. 2020; см. также: Гринин 2020е).

⁶ Существует значимая, хотя и не столь сильная, корреляция между возрастом сторонников исламизма и их принадлежностью к умеренному или радикальному исламизму. Политически радикальные мусульмане немного моложе умеренных. Примерно 21 % политически умеренных и 26 % политических радикалов моложе 24 лет (от 18 до 24 лет) (Achilov, Sen 2017: 618).

Библиография

- Акаев А. А., Васькин И. А., Коротаев А. В., Цирель С. В. 2017.** Связь экономического роста, количественной экспансии образования и террористической активности: количественное кросс-национальное исследование. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 8 / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 5–38.
- Васецова Е. С. 2017.** Алжир в контексте региональной безопасности на Ближнем Востоке. *Век глобализации* 4: 82–91.
- Васильев А. М. 1967.** *Пуритане ислама? Ваххабизм и первое государство Саудидов в Аравии (1744/45–1818)*. М.: Наука.
- Васькин И. А., Цирель С. В., Коротаев А. В. 2018.** Экономический рост, образование и терроризм: Опыт количественного анализа. *Социологический журнал* 3: 28–65.
- Горохов С. А. 2015.** География ислама в современном мире. *Исламские радикальные движения на политической карте современного мира*. Вып. 1. *Страны Северной и Северо-Восточной Африки* / Отв. ред. А. Д. Саватеев, Э. Ф. Кисриев. М.: Ин-т Африки РАН. С. 14–39.
- Гринин Л. Е. 2012.** Арабская весна и реконфигурация Мир-Системы. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 3. *Арабская весна 2011 года* / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: ЛКИ. С. 188–223.
- Гринин Л. Е. 2018.** О роли исламизма в модернизации исламских стран и его влиянии на политические аспекты. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 9: *Социально-политическая и экономическая дестабилизация: анализ страновых и региональных ситуаций в мир-системном аспекте*: / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 320–349.
- Гринин Л. Е. 2019а.** Исламизм как социально-экономический феномен. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 10 / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 36–66.
- Гринин Л. Е. 2019б.** Исламизм и процессы глобализации. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 10 / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 6–35.
- Гринин Л. Е. 2020а.** Революции как фактор дестабилизации и реконфигурации Мир-Системы в XXI столетии и Афразийская макрозона нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных*

- рисков: ежегодник. Т. 11 / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 146–180.*
- Гринин Л. Е. 2020б.** Продолжающаяся реконфигурация Мир-Системы и возможные процессы дестабилизации в Афразийской макроне нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 11 / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 7–16.*
- Гринин Л. Е. 2020в.** Глобальная и региональная геополитика как дестабилизационный фактор в Афразийской зоне нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 11 / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 517–527.*
- Гринин Л. Е. 2020г.** Радикальный исламизм, религиозный фактор и нестабильность в странах Афразийской макроне нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 11 / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 810–828.*
- Гринин Л. Е. 2020д.** Движение к устойчивым демократическим отношениям и национальному государству как длительный фактор возможной дестабилизации в странах Афразийской макроне нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 11 / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 694–724.*
- Гринин Л. Е. 2020е.** Демографические процессы как базовый и длительный фактор возможной дестабилизации в странах Афразийской макроне нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 11 / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 181–199.*
- Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2020.** Революции XX века: теоретический и количественный анализ. *Полис. Политические исследования* 5: 130–147. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.10>.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2018.** Исламизм и его роль в исламском обществе: общие характеристики, функции и социальная база. *Исламистские движения на политической карте современного мира. Вып. 3. Афразийская зона нестабильности / Ред. А. Д. Саватеев, Л. Е. Гринин. М.: Ин-т Африки РАН. С. 29–72.*
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2019а.** Современный исламизм: Анализ основных функций и характеристик. *Восток* 2: 92–114.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2019б.** *Исламизм и его роль в современном исламском обществе.* М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».

- Гринин Л. Е., Коротаяев А. В., Исаев Л. М., Шишкина А. Р. 2015.** Введение. Реконфигурация Мир-Системы и усиление рисков политической нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 6: Украинский разлом* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаяев, Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина. Волгоград: Учитель. С. 4–19.
- Джаноби М. М. 2015.** Политическая идея современного исламоцентризма (Философско-культурологический анализ). *Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Т. 1. Страны Северной и Северо-Восточной Африки* / Отв. ред. А. Д. Саватеев, Э. Ф. Кисриев. М.: Ленанд. С. 42–96.
- Долгов Б. В. 2015.** Радикальный исламизм в Алжире. *Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Вып. 1. Страны Северной и Северо-Восточной Африки* / Ред. А. Д. Саватеев, Э. Ф. Кисриев. М.: Ленанд. С. 229–259.
- Карпачёва О. В. 2020.** Опыт Марокко: противодействие и предотвращение насильственного экстремизма. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 11* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаяев, Л. М. Исаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 615–628.
- Коротаяев А. В., Айсин М. Б., Зинькина Ю. В., Романов Д. М. 2020.** К прогнозированию структурно-демографических рисков социально-политической дестабилизации в странах Афразийской макрзоны нестабильности и Африки южнее Сахеля. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 11* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаяев, Д. А. Быканова. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». С. 200–238.
- Коротаяев А. В., Гринин Л. Е. 2017.** Некоторые предпосылки генезиса современного исламизма: к сопоставительному анализу Ближнего Востока, Индии и Китая. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 8* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаяев, Л. М. Исаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 100–140.
- Кусов В. 2019.** Бутефлика Абдельазиз: президент Алжира, биография и правление. *Правители Африки: XXI век*. URL: https://africanrulers.ru/main/biographies/algeria_bouteflika/.
- Левин З. И. 2014.** *Очерки природы исламизма*. М.: ИВ РАН.
- Мирский Г. И. 2003.** Цивилизация бедных. *Отечественные записки* 5(14). URL: <http://www.strana-oz.ru/2003/5/civilizaciya-bednyh> (дата обращения: 18.12.2012).

- Орлов В. В. 2015.** Марокко: шерифская монархия как оппонент радикализма. *Исламские радикальные движения на политической карте современного мира*. Вып. 1. *Страны Северной и Северо-Восточной Африки* / Отв. ред. А. Д. Саватеев, Э. Ф. Кисриев. М.: Ленанд. С. 285–324.
- Серегичев С. Ю. 2015.** Политический ислам в Судане: история, идеи, практика. *Исламские радикальные движения на политической карте современного мира*. Вып. 1. *Страны Северной и Северо-Восточной Африки* / Отв. ред. А. Д. Саватеев, Э. Ф. Кисриев. М.: Ленанд. С. 367–404.
- Хантингтон С. 2003.** *Столкновение цивилизаций*. М.: АСТ.
- Achilov D., Sen S. 2017.** Got Political Islam? Are Politically Moderate Muslims Really Different from Radicals? *International Political Science Review* 38(5): 608–624.
- Amin H. 2017.** *Post Islamism: Pakistan in the Era of Neoliberal Globalization*. Lahore: International Islamic University.
- Bayat A. 2007.** *Islam and Democracy: What is the Real Question?* ISIM Paper 8. Leiden: Amsterdam University Press.
- Bayat A. 2013.** *Post-Islamism: the Changing Face of Political Islam*. New York, NY: Oxford University Press.
- Berrebi C. 2007.** Evidence about the Link between Education, Poverty and Terrorism among Palestinians. *Peace Economics, Peace Science and Public Policy* 13(1): 1–36.
- Bokhari K., Senzai F. 2013.** *Political Islam in the Age of Democratization*. New York, NY: Palgrave Macmillan.
- Byman D. 2005.** *Deadly Connections: States that Sponsor Terrorism*. Cambridge.
- Byman D. 2007.** *The Five Front War: The Better Way to Fight Global Jihad*. Wiley.
- Byman D. 2011.** *The Triumphs and Failures of Israeli Counterterrorism*. Oxford.
- Campana A., Jourde C. 2017.** Islamism and Social Movements in North Africa, the Sahel and Beyond: Transregional and Local Perspectives. *Mediterranean Politics* 22(1): 1–15. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/13629395.2016.1230945>.
- Casaca P. 2017a.** The Conceptual Discussion on Terrorism. *Terrorism Revisited Islamism, Political Violence and State-Sponsorship* / Ed. by P. Casaca, S. O. Wolf. N. p.: Springer International Publishing AG. Pp. 3–32.
- Casaca P. 2017b.** New Terrorism. The Idea that there is a New, Modern, Contemporary or Post-modern Terrorism. *Terrorism Revisited Islamism, Politi-*

- cal Violence and State-Sponsorship* / Ed. by P. Casaca, S. O. Wolf. N. p.: Springer International Publishing AG. Pp. 33–55.
- Esposito J. L., Burgat F. (Eds.) 2003.** *Modernizing Islam: Religion in the Public Sphere in Europe and the Middle East*. London: Hurst & Co.
- Fuller G. E. 2004.** *The Future of Political Islam*. New York, NY: Macmillan.
- Gearson J. 2002.** The Nature of Modern Terrorism. *The Political Quarterly* 73 (August): 7–24.
- Global Terrorism Database Codebook. 2016.** URL: <http://www.start.umd.edu/gtd/downloads/Code-book.pdf>.
- Grinin L., Korotayev A., Tausch A. 2018.** *Islamism, Arab Spring and Democracy: World System and World Values Perspectives*. Cham: Springer.
- Hoffman B. 1998.** *Inside Terrorism*. New York, NY: Columbia University Press.
- Holdo M. 2017.** Post-Islamism and Fields of Contention after the Arab Spring: Feminism, Salafism and the Revolutionary Youth. *Third World Quarterly* 38(8): 1800–1815. URL: <https://doi.org/10.1080/01436597.2016.1233492>.
- Hossain A. A. 2016.** Islamism, Secularism and Post-Islamism: the Muslim World and the Case of Bangladesh. *Asian Journal of Political Science* 24(2): 214–236.
- Huntington S. P. 1996.** *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York, NY: Simon & Schuster.
- Kepel G. 2000.** *Jihad. Expansion et déclin de l'islamisme*. Paris: Gallimard.Klausen.
- Klausen J. 2007.** *The Islamic Challenge*. Oxford: Oxford University Press.
- Krueger A. B., Maleckova J. 2003.** Education, Poverty and Terrorism: Is there a Casual Connection? *Journal of Economic Perspectives* 17(4): 119–144.
- Laqueur W. 1999.** *The New Terrorism: Fanaticism and the Arms of Mass Destruction*. London; New York, NY: Oxford University Press.
- Osman T. 2016.** *Islamism: What it Means for the Middle East and the World*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Rahim L. Z. 2011.** *Towards a Post-Islamist Secular Democracy in the Muslim World*. Paper presented at the Contemporary Challenges of Politics Research Workshop, Crowne Plaza Hotel, Coogee Beach, NSW, Australia, 31 October.
- Rajaei F. 2007.** *Islamism and Modernism: the Changing Discourse in Iran*. Austin: University of Texas Press.

- Ramadan T. 1999.** *To Be a European Muslim: A Study of Islamic Sources in the European Context*. Leicester: Islamic Foundation.
- Rana M. A. 2017.** Non-Fiction: The Failed Rationalist. *Updated July 23*. URL: <https://www.dawn.com/news/1347016>.
- Roy O. 1994.** *The Failure of Political Islam*. Cambridge: Harvard University Press.
- Russell Ch. A., Miller B. H. 1977.** Profile of a Terrorist. *Terrorism* 1(1): 17–34.
- Shahibzadeh Y. 2016.** *Islamism and Post-Islamism in Iran. An Intellectual History*. New York, NY: Palgrave Macmillan.
- Soguk N. 2010.** *Globalization and Islamism beyond Fundamentalism*. Lanham; Boulder, CO: Rowman & Littlefield Publishers.
- Ugur Etga. 2017.** Islamists and the Politics of Democratization: Evidence from Turkey. *Contemporary Islam* 11: 137–155. DOI: 10.1007/s11562-017-0380-z.
- UN Population Division. 2019.** *UN Population Division Database*. URL: <http://www.un.org/esa/population>.
- Volpi F., Stein E. 2015.** Islamism and the State after the Arab Uprisings: Between People Power and State Power. *Democratization* 22(2): 276–293.
- Walzer M. 2015.** Islamism and the Left. *Dissent* 62(1): 107–117.
- Weiss M. 2010.** Southeast Asia's Muslim Majority Democracies: Elections and Islamism Outside the MENA Region. *Taiwan Journal of Democracy* 6(1): 81–106.
- Yapp M. E. 2004.** Islam and Islamism. *Middle Eastern Studies* 40(2): 161–182.